

Рассказ очевидца

Горькая память

Анатолий ШМЕЛЁВ,
фронтвик, писатель, журналист, член
президиума городского Совета ветера-
нов

Мы встретились с ним в одном из военных приморских санаториев несколько лет тому назад. Прогуливаясь по ухоженным тропинкам прибрежного соснового бора, под неугасающим шум весеннего прибоя, вспоминали о пережитом в далёкие сороковые. Оказалось, что кое-где наши военные дороги пересекались. Мы говорили о своих боевых друзьях — катерниках-черноморцах.

Мой собеседник — коренастый, смуглый пожилой мужчина с добрыми задумчивыми глазами Владимир Иванович Рыжов. Всю войну он плавал на морских охотниках, участвовал во многих десантных и конвойных операциях под Одессой, Севастополем, у берегов Кавказа. Владимир Иванович помнит множество страниц военной истории, живым свидетелем которой в её труднейший период он был. Приоткроем одну из них.

...Разрушенный Севастополь горел. Днём над городом поднимались клубы чёрного дыма, ночью стояло кровавое зарево. Беспредельно грохотали взрывы и выстрелы. Многократно превосходящие силы гитлеровцев, не считаясь с колоссальными потерями, восемь месяцев упорно атаковали наши войска. С каждым днём кораблям флота всё труднее и труднее приходилось обеспечивать героически обороняющийся город новыми подкреплениями, оружием, боеприпасами, топливом, продовольствием.

— 29 июня сорок второго, — вспоминает Владимир Иванович, — катер МО-0101, на котором я, будучи штурманом дивизиона, выходил в море в качестве обеспечивающего, возвращался из дозора от входного фарватера у мыса Фиолент. Когда стали огибать мыс Херсонес, явились свидетелями жуткого зрелища: наши танки и автомашины подходили к отвесному обрыву, из них выскакивали водители, а боевая техника, продолжая двигаться, летела вниз. Мы поняли: наступает последний день севастьяпольской обороны.

Подождали к причалу. Заправились. Сошли на берег с командиром катера лейтенантом В. Шенсяпиным, уточнили обстановку. Немцы были уже на корабельной стороне, связь со штабом флота прервана. Прибывший из Карантинной бухты радист рассказал, что командование на грузовиках уехало на 35-ю батарею Береговой обороны. Чтобы связаться с руководством и получить указания на дальнейшие действия, мне, как старшему, следовало отправиться туда. До батареи по дороге было километров 15–16. Но она была забита боевой техникой и людьми. Я знал более короткий и менее опасный путь, и с двумя лейтенантами из ОВРа (охрана водного района) отправился на батарею.

Солнце ушло за горизонт. Опустились сумерки, а затем и ночь. В стороне над дорогой непрерывно повисали на парашютах немецкие осветительные ракеты и грохотали разрывы снарядов. Шли всю ночь. Забрезжил рассвет. А с ним в воздухе загудели самолёты. До цели оставалось уже несколько сот метров, когда над нами закружились «мессершмитты» и стали нас бомбить.

Наконец мы добрались до 35-й батареи. Здесь творилось невообразимое: целая гора сейфов, разбросанные папки и бумаги, деньги, облигации, исковерканные трупы, истекающие кровью раненные.

— Братишка, пристрели! — умоляюще просили многие, не в силах более бороться с невыносимыми страданиями от боли, жажды, безысходности.



Вход на батарею был закрыт. Никакие наши доводы и убеждения о том, чтобы меня пропустили к командованию, не принимались. И я понял: шёл напрасно. Что делать? Решил возвращаться к своим катерам вдоль берега. Становилось знойно. И здесь у береговой черты всё было завалено трупами и ранеными. Сколько времени я шёл, не помню, уже стал выбиваться из сил и терять надежду, когда передо мной открылась бухта. Чтобы её обойти по урезу воды, потребовалось много времени. В раздумье я остановился. Вдруг на противоположной стороне, за небольшой отвесной скалой, я заметил нос морского охотника. Он был обтянут брезентом, наскоро заделан досками. Сердце мое забилось: это был МО-0101. Не знаю, откуда взялись силы, прямо в одежде я бросился в воду и поплыл. До катера было не менее половины пути, и тут над головой зашумели пули, вспарывая водную гладь. Пришлось нырять. Помогли сноровка и мастерство — перед войной входил в сборную Черноморского флота по плаванию. Доплыл. В пещере, где укрывался катер, было много людей, среди них — раненные и женщины.

Жаркий день 30 июня склонялся к вечеру, когда радист катера доложил: «Приказано подойти к 35-й батарее». В сумерках вышли в заданный район. Стояла тревожная тишина. Связи не было. Около 23 часов стало темно. Вдруг совсем

близко бесшумно всплыла подводная лодка, открылся люк. И через него вышли двое. В одном из них я узнал начальника штаба флота контр-адмирала Елисеева, в другом — командира ОВРа контр-адмирала Фадеева. Последний приказал: «Подойти к причалу, взять сына генерала Петрова и доставить на лодку».

Генерал-майор Петров, командующий Приморской армией, вместе с моряками оборонявшей Севастополь, был на подводной лодке. Сын же Юрий, состоявший при нём адъютантом, замешкался. И вот теперь все ожидали его прибытия. Мне, моряку, трудно было понять такую поспешность командующего, ведь по нашим законам командир в случае гибели корабля покидает его последним.

Владимир Иванович заметно волновался, покраснел, на лбу выступила испарина. Он продолжил рассказ:

— Самым малым ходом, на ощупь, стали приближаться к пирсу. Катер коснулся бортом причала. Ещё не успели подать швартовы, как он резко накренился на борт, раздались шум, треск, крики — люди, стоявшие плотной толпой на причале, бросились на катер. Они могли перевернуть его на месте. В этот момент резанула автоматная очередь, и чей-то властный хриплый голос призвал людей к порядку. Катер же всё больше и больше кренился на борт, и командиру ничего не оставалось, как срочно отойти от берега. С причала кричали, требовали немедленно подойти к берегу снова, угрожали. Что было бы дальше — не знаю, если бы в это время к причалу не подошёл рыбацкий «дубок». Он-то и принял на борт сына генерала Петрова, сопровождавшего его офицера с хриплым голосом, успевших прыгнуть на борт людей и быстро отошёл от берега. Возле подводной лодки «дубок» застопорил ход. Подали швартовы, подтянулись. Люди бросились на були лодки, хватились за леера, иные, не удержавшись, падали в воду. В люк лодки впустили только двоих — сына генерала Петрова и сопровождавшего его капитана Боярского.

До предела перегруженная лодка, задрав люк, стала медленно погружаться. Оказавшись в воде люди кричали, про-

клинали судьбу и начальство, просили помощи, захлёбывались, тонули.

Эта картина часто всплывает в моей памяти, заставляя содрогаться. «Дубок» подобрал людей, а мы вернулись в пещеру, чтобы закончить ремонт носовой части. Ночь была тёмная и прохладная. Было слышно, как сверху над пещерой грохотали движущиеся танки, автомашины — это непрерывным потоком шли немецкие войска. Кое-как закончив ремонт оторванной носовой части, около двух часов ночи мы завели моторы и почти на полном ходу выскочили из пещеры.

Сразу же забегали лучи вражеских прожекторов, раздались пулемётные очереди, взметнулись всплески от рвущихся в воде снарядов.

Маневрируя на зигзаге, мы оторвались от берега. Однако перегруженный катер (кроме команды на борту было 15 пассажиров) зарывался в волнах разбитым носом и не мог развить полный ход. Для уменьшения его перегрузки сбросили за борт весь запас глубинных бомб. Катер пошёл ровнее, устойчивее. Мы шли на юг в направлении Синопа. За кормой оставалось зарево севастьяпольских пожаров.

Едва забрезжил рассвет, нашему взору предстала жуткая картина — свидетельство разыгравшейся здесь накануне трагедии.

С севера на юг, насколько охватывал глаз, на морской равнине простирался рельефный след: повсюду плавали остатки спасательных средств, трупы людей в капковых бушлатах, брёвна и бочки, захлёрнутые морские койки, поверженность моря была покрыта слоем мазута.

Катер застопорил ход. Мы осмотрелись. Обнаружили лошадь. Она двигалась, приближаясь к катеру. Было видно: животное выбивается из последних сил. Наконец лошадь ткнулась головой о борт. Тяжело дыша, запрокинула голову, устремила взгляд к людям.

Владимир Иванович сделал паузу, вздохнул:

— Сколько времени прошло, а взгляд этот, полный ужаса, мольбы и надежды, стоит передо мной... Конечно же лошадь не могла ничего сказать, лишь крупные слёзы катились из её глаз... А что мы могли сделать в этом мазутном месиве на маленьком переполненном катере?! Неожиданно из утренней туманной мглы показался катер. Сигнальщик сразу опознал его. То был МО-021. Я искренне обрадовался этой встрече — его командир лейтенант Степан Гладышев был моим большим приятелем. Много раз мы выходили с ним в море на боевые задания, много добрых встреч было и на берегу. И вот мы снова вместе.

— Справа сорок два сторожевых катера, пять кабельтовых! — доложил сигнальщик. В следующее мгновение очереди трассирующих пуль устремились в нашу сторону. Это были немецкие катера. Мы ответили огнём пушки и пулемётов. Однако плотная пелена тумана закрыла катера, и бой прекратился. Некоторое время шли спокойно в сплошном тумане. Но вот он постепен-

но стал рассеиваться. Потянул упругий норд-ост, разгоняя волну всё сильнее и сильнее.

К вечеру прямо по курсу на горизонте открылись вершины гор. С МО-021 флажным semaфором запросили: «Намерены следовать в Новороссийск. Сможете ли идти с нами?!» Для этого нужно было изменить курс и двигаться против волны. Выдержит ли повреждённый нос катера? Вряд ли. Целесообразнее подойти к турецкому побережью и вдоль него следовать в Сухуми.

Обменявшись добрыми пожеланиями, мы разошлись. МО-021 лёг на курс норд-ост, мы продолжали идти на зюйд-зюйд-вест. Солнце опускалось к горизонту. Вдруг из его лучей выскочили три «юнкерса». Командир катера лейтенант Шенсяпин ручки телеграфа бросил на «стоп». Катер сразу потерял ход.

— Товарищ командир, самолёты легли на боевой курс! — доложил сигнальщик.

Командир дал «полный вперёд» и скоординировал рулевому: «Право на борт!» Три взрыва раздались впереди слева. Катер лёг на прежний курс. Самолёты пронеслись над катером, развернулись и стали вновь заходить на бомбометание со стороны солнца. Артиллеристы приготовились отражать новую атаку. Командир внимательно следил за «юнкерсами».

Катер вновь застопорил ход. Ударил кормовая сорокопята, за ней застрочили крупнокалиберные ДШК. Катер рванулся, по воле командира лёг на циркуляцию, и вновь бомбы разорвались в стороне. Несколько раз «юнкерсы» атаковали катер, и каждый раз лейтенант Шенсяпин мастерски выводил его из-под удара. Однако близкие разрывы бомб и пушечно-пулемётный обстрел изрешетили корпус судна, два человека погибли, семь были ранены.

Более трагичной, чем наша, оказалась судьба МО-021. В одной из воздушных атак катеру оторвало носовую часть, при этом были сражены лейтенант Гладышев, его помощник лейтенант Финиченко и все, кто был на верхней палубе. Катер потерял ход. Только на следующий день он был обнаружен в полутаплившем состоянии вышедшим из Туапсе на поиск катером и доставлен на базу. Из восьмидесяти шести человек в живых осталось лишь шестнадцать.

А мы к вечеру следующего дня прибыли в Сухуми. Таким вот был наш последний день обороны Севастополя.

— А известна ли вам судьба тех, кому не удалось тогда покинуть крымскую землю? — спросил я.

— Говорили, что остатки армии ушли в горы, но обстановка там была негостеприимная. Были случаи, когда местные жители выдавали воинов гитлеровцам... А жестокость фашистов известна: «Коммунисты, три шага вперёд!» Расстрел... «Офицеры, три шага вперёд!» Расстрел. Матросов загоняли в пещеру и травили газом. Интендантов и врачей отправляли в концентрационные лагеря... Такие вот горькие зарубки остались в памяти.